

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ Г. Д. ГУРВИЧА

Автор: Р. Е. ГЕРГИЛОВ

ГЕРГИЛОВ Ростислав Евгеньевич - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Георгий Давидович Гурвич (1894 - 1965) - пожалуй, первый из социологов, кто после Дюркгейма последовательно реализовывал во Франции программу построения общей социологической теории. В его работах переплелись: общая философия феноменологического толка и философия истории (соотношение исторической необходимости и человеческой свободы), социальная онтология, методология, правоведение и история социальной науки. В поле его научных интересов постоянно находились такие отрасли социологии, как социология права, познания, морали, политики, социального времени, где он конкретизировал и развивал положения общей социологии. Материал этих научных подходов составляет обширную библиографию, включающую множество статей в журналах разных стран мира и монографий - как собственно авторских, так и тех, где Гурвич являлся редактором-составителем и одним из авторов. Эти работы долгое время издавались на разных языках, кроме русского. И только в 2004 г. в издательстве "Университетская книга" вышло собрание текстов Гурвича, по преимуществу социолого-правового характера под редакцией А. В. Полякова [1], включающее подробную библиографию его работ. Я ограничиваюсь освещением принципиальных разделов так называемой "гиперэмпирической диалектической" социологии Гурвича, методологии и кратким обзором его научной деятельности.

Для понимания особенностей социологического творчества ученого следует представить вехи его интеллектуальной биографии. Г. Д. Гурвич родился в Новороссийске в семье преуспевающего банковского служащего. Отец направлял его в привилегированные гимназии в Ростове-на-Дону и в Риге. Он слушал курсы на факультетах ряда университетов России и Западной Европы. На историко-филологическом факультете Университета Гейдельберга он посещал лекции Э. Ласка¹, оказавшего влияние на становление его версии феноменологической социологии. С 1910 г., увлеченный идеей диалектики как метода научного познания, штудирует философские труды Гегеля и Маркса. Если к философской системе и к диалектике Гегеля у него на долгие годы сформировалось отчужденное отношение, то в материалистической диалектике Маркса он усматривал позитивные возможности, а некоторыми ее положениями старался руководствоваться. Как не без иронии отметил Р. Арон, он обнаружил в марксизме неко-

¹ Эмиль Ласк (1875 - 1915) - немецкий философ, представитель неокантианства. - прим. ред.

торое "предвосхищение собственных идей" [2, с. 214]. В 1912 г. Гурвич познакомился с В. И. Лениным и вполне в духе времени признал необходимость радикального преобразования социально-политического устройства России, однако революционной практике предпочел академическую карьеру. Он учится в Юрьевском (ныне - Тартуский), а затем в Петербургском университете (юридический факультет), где его учителями и наставниками были профессора Ф. В. Тартаповский и Л. И. Петражицкий.

После сдачи магистерских экзаменов Гурвич становится приват-доцентом Петроградского университета и готовится к чтению курса лекций по философии права. После Февральской революции 1917 г. он наряду с П. А. Сорокиным, Н. С. Тимашевым, Н. Д. Кондратьевым и Ф. А. Степуном сотрудничает с Временным правительством. После ноября 1917 г. Гурвич не принимает большевистской диктатуры и в 1920 г. покидает Россию. Поначалу он выезжает в Прагу, где преподает на юридическом факультете Русского свободного университета (его деканом являлся известный социолог-юрист П. И. Новгородцев); после недолгого пребывания в Германии перебирается в 1925 г. во Францию, в 1929 г. принимает французское гражданство, а в 1932 г. защищает в Сорбонне докторскую диссертацию по философии. На протяжении всей жизни он поддерживал тесные научные и человеческие контакты с коллегами-соотечественниками П. Сорокиным и Н. Тимашевым [3].

В его мировоззрении прослеживается влияние И. Г. Фихте, К. Маркса, Н. Гартмана, Э. Гусерля, М. Шелера, Э. Ласка. Современная немецкая философия составила материал тех факультативных курсов, которые Гурвич стал читать на рубеже 1920-х-30-х годов в Сорбонне. Среди его слушателей были Ж. П. Сартр и Ж. Лакан. В 1935 г. он получает место профессора в Университете Бордо, знаменитого, в частности, тем, что в 1896 г. Э. Дюркгейм организовал здесь первую во Франции кафедру социологии (точнее, кафедру "социальной науки"). Но Гурвич долго не задержался на этом почетном месте. В 1936 г. ему был предложен пост руководителя программы по социологии в Страсбургском университете, и он с энтузиазмом приступил к ее выполнению. В этом же году Гурвич организует, редактирует и публикует периодические издания: журнал "Архив философии права и юридической социологии" (1931 - 1940) и ежегодник "Анналы Международного института юридической социологии" (1932 - 1940).

После вступления Франции в войну с гитлеровской Германией (август 1939 г.) Гурвич идет на фронт, а после капитуляции французских войск (июнь 1940 г.) по приглашению нью-йоркской "Новой школы социальных исследований" уезжает в США. Здесь Гурвич получает должность профессора, а также возможность оказывать некоторое влияние на формирование европейской политики Соединенных Штатов: благодаря личному знакомству с семьей президента Рузвельта его советы по вопросам отношений между США и Восточной Европой часто принимались к сведению.

В период вынужденного пребывания в США Гурвич возвратился к издательской деятельности (руководство "Журналом правовой и политической социологии"), читал лекции на факультете социологии Гарвардского университета, деканом которого в эти годы был Сорокин. В 1945 г. Гурвич возвращается в Страсбургский университет и начинает издавать журнал "Международные тетради по социологии", ставший, как отметил Сорокин, одним из наиболее важных социологических журналов XX в. [4, р. 465]. В годы немецкой оккупации Вишистское правительство уничтожило "Центр социальной документации Высшей нормальной школы", и в 1946 г. в Париже по инициативе Гурвича был образован "Центр социологических исследований", в котором была собрана социологическая библиотека, составлена библиография по социологии; Гурвич провел ряд симпозиумов, материалы которых публиковались в специальных сборниках. В частности, он составил и отредактировал сборник "Индустриализация и технократия" (1949), который стимулировал развитие во Франции управленческих концепций.

Когда в 1949 г. Гурвич был приглашен в Сорбонну на должность декана социологического факультета, он уже был ученым с мировым именем. Появлялись новые и переиздавались старые его работы [5]. В 1950-е годы по его инициативе была основана "Ассоциация франкоязычных социологов", в которую вошли ученые Бельгии, Швейцарии, Туниса, Египта, Алжира, Канады, Мали, Вьетнама и США. В это время Гурвич проявил солидарность с борьбой французских колоний за независимость. В 1962 г. в результате взрыва бомбы, брошенной правыми террористами в его квартиру, Гурвич перенес острый сердечный приступ, от затяжной динамики и повторений которого через три года скончался.

Как и многие теоретики, Гурвич начинает исследование с вопроса об объекте и предмете социологии. В этой науке он видит "кульминационный пункт" эволюции наук о человеке. Ее назначением является изучение социальной реальности или "целостной тотальности социальных феноменов"² во всех ее многовекторных измерениях с точки зрения ее функционирования и изменения [6, р. 49]. Как и Сорокин, Гурвич подчеркивал необходимость кооперации между социологией, историей и социальной психологией. Как и для Дюркгейма, для Гурвича предметом социологии выступают феномены *sui generis*, не сводимые ни к физическим, ни к химическим, ни к биологическим, ни к психологическим явлениям. В их изучении социология использует различные процедуры, а также количественные и качественные методы в сочетании с методом, гносеологически наиболее значимым - диалектическим. Свою социологию он характеризует как "диалектический гиперэмпиризм"; в его представлении только изучение человека в конкретных жизненных обстоятельствах позволяет понять его поведение.

Переход от одной классификации Гурвичем социальных феноменов к другой обнаруживает тенденцию непрерывной перестройки социального знания посредством углубления в анализ проблем. Это и есть "гиперэмпирическая диалектика": "эмпирическая", так как она предполагает опору на методологически выверенные факты, "гипер-", так как рассчитывает на их максимальный охват, и "диалектика", ибо процессы в социальной онтологии и их отражении в социальной гносеологии взаимосвязаны и подобны, хотя субъективная диалектика в силу относительности человеческого познания уступает богатству объективной диалектики [7, р. 3 - 33]. П. Сорокин высказал на этот счет принципиальное несогласие: как метод диалектику еще можно признать с рядом оговорок ее познавательных границ, но как характеристику объективной действительности - нет, ибо тогда мы должны будем признавать существование индуктивной или дедуктивной действительности.

Социологию, рассматриваемую в качестве особого "социального феномена", Гурвич предлагает разделить в структурном отношении на микро- и макросоциологию. Против такого "методологического деления", писал Н. С. Тимашев, "выступили многие социологи, включая неопозитивистов и таких функционалистов, как Мертон", который указывал, что социальная логика едина и может использоваться в изучении самых разных социальных феноменов [8, р. 269]. Гурвич считает, что микросоциологии надлежит изучать простейшие, лежащие на поверхности проявления межличностных взаимодействий (отношения к другому, отношения между "я", "он", "она", "они"), а также созданные идентификацией в ходе этого общения конкретные социальные единства - "мы" и близкие в смысловом отношении к ним - "наш" ("соседство", "наш профсоюз" и т.п.). Микросоциологический тип социальной реальности плюралистичен: он основан на восьми критериях (формальный или неформальный характер общения, вид функционирования, построенного на симпатии, солидарности или антагонизмах, его происхождение - добровольное слияние или принудительное объединение). Микросоциология фиксирует все формы "социабельности" в горизонтальном измерении [9, р. 1-48]. Важнейшая предпосылка этих форм "социабельности" - совпадение интересов и взглядов на определенные события, явления и процессы. Обе спонтанные формы "социабельности" ("отношение к другому" и "мы") включаются в качестве элементов в состав групп, общностей и социальных структур с многовариантной интенсивностью и глубиной. Конкретных форм "мы" множество, но три главных ее образования давно выявлены и изучаются социальными исследователями. Наименее интенсивное, пассивное-вынужденное и механическое состояние "мы" представляют "массы"; среднее состояние интенсивности контактов и их самосознания, частично добровольное и частично принудительное общение дает нам "общность"; высшую форму интенсивности добровольности и ее сознаваемости демонстрируют "коммуны". Три эти формы "мы", по Гурвичу, могут быть моно-, поли- и суперфункциональными. Так, например, многие "мы", существующие в спортивных командах, профсоюзах и т.д., монофункциональные, так как связаны с характером деятельности или задачей, соответствующей определенной группы ценностей и подчиненной достижению конкретной цели. В противоположность этому типу "мы", существующие в рамках одного города ("мы - петербуржцы"), политического движения ("мы - правые и левые") или экономической

² Термин заимствован у М. Мосса.

общности ("мы - производители и потребители русской экономики") могут быть определены как полифункциональные, поскольку каждый из них связан с разными родами деятельности и задачами, соответствующими различным ценностным представлениям и находящими свое выражение в различных целеполаганиях. Суперфункциональные активные формы "мы" реализуются на уровне общественных классов и наций, интернациональных сообществ. Главное их отличие от предыдущих форм состоит в том, что они заняты не решением более или менее четко обозначенных проблем, но вынуждены иметь дело с "закрытой тотальностью" задач, различные аспекты которых нерасчленимы и связаны с ценностными областями. Примеры таких форм: "мы - пролетарии всего мира", "мы - североамериканские негры".

Всю первую половину XIX и вторую половину XX в. социологи соревновались с социальными психологами в освещении этих исследовательских полей. Гурвич высоко оценил вклад двух социологов из этой плеяды: представленные Л. фон Визе "социологию отношений" и классификаторский подход, а также социометрию Дж. Морено, с которой он сопоставил свою микросоциологию [10, p. 24 - 67].

Второй, более обширный раздел общей социологии Гурвича занимает его макросоциология, которая призвана исследовать вертикальное измерение социального бытия, т.е. разноглубинные уровни и сектора тотальной социальной реальности в ее "структурированных ансамблях: группах, классах и глобальных обществах". Гурвич изобретал причудливые классификации этих ансамблей и уровней их выявления в социальной онтологии. Прежде всего, он на основании чисто феноменологического критерия приступил к выделению десяти уровней "глубины социальной реальности", начиная с явлений повседневности, легко обнаруживаемых органами чувств, и заканчивая наиболее скрытыми и трудно уловимыми умственно-интуитивными явлениями. Имеются основания перечислить эти уровни, поскольку здесь Гурвич обращает внимание на проблему разнокачественности (функциональной, генетической, структурной) социального бытия. В чисто эмпирических (количественных) исследованиях эти аспекты часто перепутаны, что приводит к низкому их познавательному эффекту.

Первый уровень рассмотрения социальной реальности включает в себя такие характеристики, как географическая среда обитания, антропологические и демографические характеристики (пол, возраст, этнический состав населения, показатели рождаемости, смертности, продолжительность жизни); особенности материальной культуры социума (дороги, постройки, каналы, орудия и продукты производства и т.п.). Второй уровень, более сложный, представляет собой организованные, централизованные и иерархизированные образцы коллективного поведения, составляющие своеобразную систему "заветов предков" нынешним поколениям, т.е. наследие прошлых культур. Третий уровень социальной реальности включает в себя модели, правила, нормы индивидуального и коллективного поведения, являющиеся продуктами современной культуры и создателями будущей. Четвертый уровень составляет внешние по отношению к третьему уровню стандартизованные формы коллективного поведения. Пятый уровень - это переплетение социальных ролей - играемых, интерпретируемых, обсуждаемых и ожидаемых как индивидуально, так и коллективно. Социальные установки и стереотипы составляют шестой уровень человеческого бытия. Люди принимают их почти автоматически, временами даже слепо, не понимая подлинной сущности большинства стереотипов. Такова социально-генетическая природа многих предрассудков, массовых суеверий, утопий, идеологических "аксиом". Седьмой уровень, по Гурвичу, составляют "социальные символы", которые служат посредниками между объективным содержанием того, что они символизируют, и групповыми и индивидуальными агентами, которые создают их и которым они адресованы. Восьмой уровень бытия составляют инновационные, революционные, творческие акции ("идеи - поведение"), направленные против кристаллизованных, застывших форм поведения, конформистских коллективных установок и символов. Коллективные идеи и ценности составляют девятый уровень. За всем многообразием коллективных действий и установок, за всеми формами социальных организаций, ролями и символами располагается мир ценностей, объективирующий и экстернализирующий все предыдущие уровни социальной реальности и менее наблюдаемый, чем другие. В описании мира ценностей (почти платоновского мира идей) Гурвич очень близко подходит к учению об "идеальном бытии" Э. Ласка. Последний, десятый уровень имеет дело с родовой духовностью как таковой, с коллективной ментальностью. Отчасти это напоминает уче-

ние Дюркгейма о "коллективных представлениях". Психологическая жизнь в меньшей или большей степени присутствует на всех уровнях социальной реальности и является фактором их интеграции. Гурвич считает, что духовность можно охватить и сколько-нибудь адекватно изучить только при диалектическом подходе. Однако "тотальная социальная реальность" едина. Но, будучи различными, уровни могут в то же время включать в себя противоречивые отношения, проявляющиеся в общественной жизни.

В макросоциологии Гурвича заключена, как можно заметить, старая проблема соотношения явления и сущности, точнее, сущностей разных порядков применительно к общественной жизни. Содержание всех перечисленных уровней социальной реальности изучалось (в отдельности и даже в противопоставлении) социологами разных направлений. При знакомстве с предложенной им классификацией у многих социологов возникли сомнения и вопросы: является ли она "формальной", устанавливающей пропедевтические правила деления, которые требуют четкого противопоставления членов деления, устанавливающего внешний, наглядный порядок наблюдаемых явлений, или "содержательной", учитывающей изменения, взаимодействия, развитие классифицируемых объектов, даже перетекание их друг в друга. В этом отношении полезно сравнить и оценить логические контрасты между теориями Гурвича и Сорокина, о которых сам Сорокин сообщает в предисловии к книге Ф. Боссермана "Диалектическая социология", довольно благожелательно излагающей идеи Гурвича [11]. Гурвич полагал, что он создает именно такой диалектический вид классификации социальных объектов, на что Сорокин резонно заметил, что различие между формальной и диалектической классификацией хотя и осознавалось Гурвичем, но преодолевалось не строго.

Другой сюжет макросоциологии Гурвича - аспекты организации социального пространства: реальные группировки, общественные классы, социальные структуры, "глобальные общества" и социальное время их существования. Отвергая социологический номинализм, Гурвич подчеркивал, что любая подлинная социальная группа "есть реальное коллективное единство" целого комплекса микросоциальных форм "социальности" и разных глубинных уровней социальной реальности. В отличие от большинства специалистов по проблемам социальной структуры и стратификации, стремящихся составить атласы групп, Гурвич сделал упор на методологические предпосылки, которые должны были помочь социологу описать и объяснить многообразные реальные группы. Он предложил использовать более десятка критериев, а если учитывать их дробление, то и больше: функции (выделяя монофункциональные, суперфункциональные и промежуточные между ними группы); размер (малые, обширные, большие и супербольшие группы); продолжительность существования; ритм изменений; степень дисперсии (группы, члены которой рассеяны по обширной территории и находятся на дистанции друг от друга, группы, предполагающие периодические встречи состава, и группы с постоянным контактом); группообразующее основание (добровольные, принудительные, смешанные группы); группы открытые, закрытые и смешанные; неорганизованные и неструктурированные, организованные и структурированные; объединяющие основные групповые ценности (экономические, политические, культурные и другие); групповая сплоченность (централизованные, федералистские, конфедеративные группы) [7, p. 268 - 348].

Гурвич кропотливо изучал разные истолкования содержания понятия "социальный класс" в истории общественной мысли [12]. Приводимое Сорокиным плюралистическое определение классов он счел одним из лучших. В его собственном определении класса как социальной группы учитывается 11 критериев: 1) суперфункциональность; 2) большое количество членов; 3) длительное по времени существование; 4) высокая степень дисперсии; 5) необходимый характер исторического возникновения и существования; 6) открытость; 7) структурированность; 8) склонность активно защищать свои жизненные ориентации (через идеологию); 9) обычно сопротивление процессам поглощения "глобальным обществом" (за исключением случаев, когда данный класс доминирует в общественной власти); 10) радикальная несовместимость с другими классами (отсюда классовая борьба); 11) осуществление только условного контроля и принуждения над своими членами [7, p. 345].

При изучении социальной реальности Гурвич использует также понятие социальной структуры. К проблеме изучения социальной структуры он обращался во многих

работах, но центральное место среди них занимает статья 1955 г., в которой он показывал, почему столь популярное у социологов понятие относится только к макросоциологическому, а не к микросоциологическому уровню, и почему оно фиксирует не статичные, константные характеристики общества, как считали многие, а наоборот - постоянно изменяющиеся и динамичные [13]. Каждая социальная структура, утверждал он, представляет собой подвижное равновесие между специфической иерархией глубинных уровней социального бытия, переменными манифестациями "социальности", типами социальной регуляции, социальным временем существования функциональных группировок, классов и их организаций. Равновесие укрепляется и поддерживается не только системой социальных ролей, но и моделями, символами, ценностями и идеями, т.е. всей социальной культурой [14, vol. 1, p. 216 - 235].

Здесь необходимо дать пояснения. Во-первых, ограничив содержание социальной структуры как макросоциологического понятия функциональными группировками, Гурвич неожиданно добавил к нему микросоциологическое приложение - манифестации "социальности", т.е. социально-психологический пласт бытия. Во-вторых, им настойчиво поддерживается идея социальной детерминации духовного производства. В социологии познания, права и морали он проводит эти идеи более конкретно. В ходе исследований философского, научного, политического, этического и технологического знания в их типологических разновидностях - рационализме и мистике, теоретическом и эмпирическом, позитивном и спекулятивном, Гурвич всегда стремился обнаружить "функциональную корреляцию" между ними и социальными ансамблями: группами, классами, социальными структурами, "глобальными обществами". Он приходит к выводу, что все эти ансамбли разнятся самочувствием и самосознанием своих adeptов, так что разнообразие социального всегда требует для своего воплощения и реализации своеобразного культурного. В своем бытии они выступают в почти не растворимом социокультурном единстве [15]. В-третьих, несмотря на необычность определения социальной структуры в его сопоставлении с обычными определениями, внутренняя логика его рассуждений опосредована имеющимся понятийным аппаратом: "социальность", уровни глубины бытия, группировки, классы, социальное время. Обоснованно, в отличие от многих социологов, специализирующихся на проблемах стратификации, Гурвич связывает в одно целое вопросы социального пространства и времени (в соответствии с современным уровнем естествознания). Именно этим обусловлено то, что социальное время выступает атрибутом его толкования социальной структуры [16].

Каждый тип глобального общества характеризуется присущим ему спектром социального времени [5, p. 325 - 330]. Каждая группа, каждый класс и глобальное общество вырабатывает собственный ритм, в котором они развиваются; особенность этой ритмики в отдельных "социальных тотальных феноменах" является характеристикой соответствующих им структур. Каждое социальное целое охватывает множество видов реального времени (время интегрированных в социальном целом форм социальности, групп и классов; время отдельных ступеней социальной реальности). Любое проявление социальной активности (в экономике, в религии, в политике, в технике и т.д.) подвержено изменению во времени, зачастую независимом от времени других в этом целостном бытии развивающихся видов активностей и поэтому, возможно, является помехой последним. По мнению Гурвича, не существует единства не только между типами времени в семье, школе, фабрике и т.д., но и между способами приведения в соответствие различных видов времени в патриархальном или феодальном обществе, в античном городе-государстве и в капиталистических или коллективистских обществах [5, p. 325]. Существование глобального общества в большей части зависит от согласованности этих типов времени в его границах. Отметим от себя, что это существенное условие продуктивного развития отдельных государств и даже цивилизаций.

Что же представляет собой реальное социальное время? По Гурвичу, здесь речь может идти о "координации движений или событий, которые в ходе следования одного за другим длятся и в длительности следуют друг за другом" [16, p. 44]. Например, сельскохозяйственное время определяется следованием друг за другом посевной и сбора урожая. Эти процессы могут рассматриваться как особое социальное время, ввиду того, что оба они обусловлены природной сутью и регулярно следуют друг за другом. Время торгового предприятия определяется координацией или следованием операций (закупка у оптовика - продажа покупателю) и длится в период проведения

этих последовательных операций. Названные реальные социальные типы времени не имеют ничего общего с восприятием времени отдельным человеком. Регистрация и наблюдение их существования представляет, однако, действенный инструмент для понимания и трактовки социального события.

Перечислим типы времени, выделенные и анализируемые Гурвичем:

1. Время большой продолжительности или замедленное время. Здесь прошлое господствует над настоящим и будущим, царит постоянство и измеримость. Этот тип времени определяет деревенскую жизнь и патриархальные социальные формы.
2. Обманчивое или неожиданное время. Этот тип времени "готовит" медленно протекающему времени (тип 1) неожиданные кризисы и прерывности. Дисконтинуальность усиливается; между настоящим и будущим возникает и растет рассогласованность. Такова жизнь большого города и протекание событий в теократических обществах, где все зависит зачастую от жизни и смерти единственного человека.
3. Время нерегулярных сдвигов между возникновением и исчезновением ритмов, их смещением. Для этого типа времени характерна непредсказуемость и контингентность, в которой настоящее господствует над прошлым и будущим. Это время масс, неструктурированных групп, классов в период их возникновения, а также глобальных обществ переходных периодов.
4. Циклическое время - как бы замкнутый на себя тип времени, когда происходит своеобразная взаимная проекция прошедшего, настоящего и будущего. Поэтому оно отмечено сильной континуальностью (время экстатических общностей, сект, церковей, архаичных обществ и т.д.).
5. Тип запаздывающего времени. Оно "вынуждает" дожидаться своего прихода, причем континуальность и дисконтинуальность в нем равноценны. Оно "определяет" общности с сильно выраженными коллективными символами: закрытые корпорации, университетские факультеты, феодальные общества.
6. Время между отставанием и забеганием вперед, когда стремятся к актуализации в настоящем как прошлого, так и будущего. Оно более дисконтинуально, чем время 5. Оно соответствует периоду подъема капитализма и просвещенного абсолютизма.
7. Опережающее себя время. Здесь будущее становится настоящим, и время еще более дисконтинуально. Это время коллективных волнений и обновлений, активных и революционных масс и союзов; время класса пролетариев и развитого капитализма, основанного на конкуренции.
8. Взрывное время: прошлое и настоящее растворяются в создании трансцендентного будущего. Дисконтинуальность, контингентность и качественный характер достигают в нем максимума. Это также время творческой подвижности в наиболее выраженном виде - активных личностей, с их очень высокой готовностью к риску.

Такое предложенное Гурвичем членение времени подрывало традицию социальной каузальности. Но в этом и состоял смысл релятивизма Гурвича, поставившего под сомнение контовский научный идеал предвидения и предупреждения событий. Это было одной из причин резкого расхождения, даже враждебности между Гурвичем и направлением французской социологии, проводником которого был А. Кувилье [18].

Вся эта терминологическая "вавилонская башня" методологически венчается самой крупной макросоциологической категорией - "глобальными обществами". В текстах Гурвича попадает еще более крупное понятие - "цивилизации", но сколько-нибудь подробно тему цивилизаций он не рассматривает. Что же такое "глобальные общества"? Это наиболее обширные и содержательно богатые социальные феномены, объединяющие в себе все группы, общественные классы, все социальные структуры. Каждое "глобальное общество" структурировано, суперфункционально и организовано в сети взаимосвязанных институтов, включая государство. Именно эти общества вызывают к жизни исторические цивилизации, являясь своеобразными блоками в их "строительстве". Однако цивилизации часто "парят" над границами "глобальных обществ". Так, западная цивилизация за два последних тысячелетия включала в свой состав много типов "глобальных обществ".

Используя 8 критериев различения и классификации "глобальных обществ", Гурвич насчитывает 14 их видов. 4 исходных вида (эпоха варварства) охватывают архаические родоплеменные образования от примитивных семейных союзов до региональных кланов и ранних монархических союзов, организующих соплеменников для участия в общественной жизни. Шесть последующих исторических типов включают

"харизматические теократии" (иллюстрация - Древний Египет); патриархальные общества (к примеру - гомеровская Греция); государства-города (античные полисы); феодальные общества (в Европе с IV по XIV век); общества возникающего капитализма (XV-XVIII века) и общества развитого капитализма (XIX-XX века). На современной фазе развития цивилизации ему удалось обнаружить четыре типа "глобальных обществ": общества развитого капитализма (подобно политико-экономической системе США, Англии или Швеции); технико-бюрократические фашистские общества (Италия 1924 - 1944 гг., Германия 1933 - 1945 гг.); тоталитарные общества коллективистского толка (СССР и с 1949 г. - Китай); общество плюралистического коллективизма - этот тип еще находится в эмбриональном состоянии, но в Югославии и, возможно, в СССР у него, как полагал Гурвич, есть шанс на полноценную реализацию. Остальные общества, разбросанные по всем материкам, имеют разные исторические возможности приближения ко всем этим типам. Причем приближение это не носит характер однонаправленной механической эволюции, а является процессом случайным или диалектическим с возвратом назад, забеганием вперед, взрывами, накоплением и разрешением противоречий [14, vol. 1, p. 230 - 235].

Таков контекстуальный каркас "тотальной социальной реальности", как видел ее социологическим взглядом Гурвич. С точки зрения разделения и специализации научной деятельности его подход демонстрирует стремление представить системную теорию дифференциации и стратификации картины социальной реальности. Все возможные детали этой картины можно изучать с помощью количественных приемов (к примеру, выяснить число групп в той или иной социальной структуре и также время их существования), индивидуализирующих приемов (типа case study), приемов аналитических (например, соотношение функциональных и дисперсионных характеристик групп), наконец - типологических (вроде "глобальных обществ"). Однако остается непонятным, почему Гурвич здесь ведет речь о диалектике. Ведь диалектика - это и теория, и метод познания с использованием соответствующего понятийного аппарата и познанием закономерностей происходящих процессов.

Критические замечания социологов - современников Гурвича в большинстве случаев касаются множества классификаций, которые сопутствуют изложению его социологической системы. С трудом постигаешь его 5 форм диалектики, 10 уровней глубины, 15 критериев социальных группировок, 11 критериев классов, 14 типов "глобальных обществ" и ... 162 типа права. Даже относительно несложная социальная реальность в ее микросоциологическом выражении подразделяется им на 2 формы - "социальность частичного синтеза" и "частичной оппозиции", каждая из которых, в свою очередь, делилась на активную и пассивную, монофункциональную, полифункциональную и суперфункциональную и т.п., так что в итоге получается 12 различных классов феноменов или, как он выражался, "манифестаций". Поэтому, если выбирать одно и только одно слово, символизирующее социологию Гурвича, то это была бы не "диалектика", а "классификация". Питирим Сорокин справедливо отмечал, что "различные классификации составляют субстанцию системы социологии Гурвича" [4, p. 481]. Гурвич, как иронизировал Сорокин, конечно, желал бы "благословить брак диалектики и эмпиризма", но счастливый брак не состоялся [4, p. 483]. Н. Тимашев был более категоричен, говоря, что относительно классификаций (прежде всего типов права) Гурвичу "нечего добавить, кроме определений, а это - симптом научного бесплодия" [21, p. 487].

В схемах Гурвича встречаются неопределенные концепты, и, несмотря на их принципиальное значение для всей его системы, они не подвергаются им внимательному логическому анализу, и отсутствуют попытки дать им определения. Фундамент деления уровней глубины - т.е. критерий легкости и трудности внешнего наблюдения, нарушается им с первого шага. Многое из того, что Гурвич включил в содержание морфологического и экологического уровня, легко познается с помощью органов чувств. Но особенностью социальной реальности является то, что вовлеченная в нее географическая, экологическая среда может приобретать нематериальные значения, недоступные внешнему наблюдению. У многих северных народов России этнографы подметили наличие особых "священных мест" - холмов, рожиц, полян, как правило, связанных с культурами предков. Любые современные постройки - буровые вышки, дороги, аэродромы, поселки - являются их осквернением. Это не только покорение удобной с точки зрения технологической рациональности материальной среды, но

вторжение в "сферу народного духа" [19, с. 142]. Кроме того, на географическую среду Гурвич накладывает "демографические композиции" населения, его мобильность и всю материальную культуру [14; 1, р. 158]. В итоге в логическом отношении из исходного "уровня глубины" получается исходная свалка. Демографические композиции населения часто очень трудны для внешнего восприятия, и для получения адекватного знания о них необходимы исследования специалистов-статистиков, основывающихся не просто на чувственном восприятии, но применяющих рациональные методы, а нередко имеет значение и их собственная интуиция. Не менее сложно обстоят дела с материальной культурой. Человек, не знающий предназначения научной лаборатории, не отличит ее от офиса, зала конференций от лекционной аудитории университета, музея от торговых залов универсального магазина. От наблюдателя элементов материальной культуры требуется понимание значений и ценностей (а это уже знание, относящееся к другому уровню бытия). Гурвич смущенно признавал, что за чисто материальной стороной первого уровня стоят коллективные идеи, недоступные непосредственному наблюдению [Ibid, р. 167]. Что касается других уровней, то обнаруживается: более или менее гомогенные феномены необоснованно разделены и разбросаны по двум и более уровням. Так, стандартизованные, повторяющиеся формы коллективного поведения (ритуалы, обычаи и т.п.) отделены от "организованного социального поведения" и занимают разные уровни. И далее они все вместе отделены от "коллективных духовных состояний и психических актов".

Самой зыбкой частью макросоциологии Гурвича является его типология "глобальных обществ". Приводимые им исторические иллюстрации 14 типов "глобальных обществ" не всегда строго опираются на критерий их дифференциации. Кстати, это был скорее юридический, чем социологический критерий. Так, если Египет эпохи фараонов охватывает тысячелетнюю историю, то фашистская Италия времен Муссолини прошла два десятилетия, одни общества его схемы обладают гигантской территорией и многомиллионным населением (древнеримская империя), другие представляют собой крохотные, локальные образования (античные полисы и феодальные уделы). Вся классификация "глобальных обществ", отмечал Сорокин, представляет собой номинальную коллекцию гетерогенных исторических, прежде всего, политико-экономических режимов, искусственно вычленяемых в истории с помощью надуманных категорий [4, р. 494]. Упрек, конечно, справедливый, но, как часто бывает в науке, многие его книги учат нас не только на его теоретических откровениях и открытиях, но и на его просчетах. Один из социологов-эмпириков послевоенной Франции Ж. Стетцель, выражая мнение многих социологов и философов, писал в 1957 г., что в области общей социологии, конечно, "наиболее выдающимися считаются работы Жоржа Гурвича" [20, с. 736]. Сорокин, сравнивая эти работы с современными исследованиями, в свою очередь отметил: "Его система общей социологии является более систематизированной, организованной и более полно развитой, чем большинство современных теорий в этой области. Его экстраординарная эрудиция в философии, социальных науках и социологических теориях, ясность его мыслей, разнообразие жизненного опыта сделали его главные работы познавательно важными, постоянно стимулирующими мысль и подлинно просветительскими. Ни одна теория общей и специальной социологии середины XX века не сможет пройти мимо них в молчании. Они уже заняли одно из почетных мест в социологии этого периода" [4, р. 478].

Все вопросы социальных структур различного типа и их правового обеспечения Гурвич постоянно связывал с изучением возможных размеров и реальных возможностей человеческой свободы, практикуемых в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2004.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993.
3. Обширные материалы переписки хранятся в архиве П. Сорокина в библиотеке Саскачеванского университета и Гарвардском архиве: Harvard University Archives. Records of the Sociology Department.
4. *Sorokin P.A.* Gurvitch's Empirico-realistic Dialectic Sociology // Sociological Theories of Today. N.Y.; L.: Harper and Row Publishers, 1966.
5. *Gurvitch G.* La Vocation Actuelle de la Sociologie. Paris, 1950.
6. Sociologie et Psychologie Sociale en France (1945 - 1965): Bibliographie établie par le Centre d'Etudes Sociologiques avec une introd. de D. Reynaud. Paris, 1966.
7. *Gurvitch G.* L'Hyperempirisme dialectique: Ses applications en Sociologie. 1953. Vol. 15.

8. *Timasheff N. S.* Sociological Theory: Its Nature and Growth. N.Y.: Random House, 1965.
9. *Gurvitch G.* Essai d'une classification pluraliste des formes de sociabilite // *Annee Sociologique*. 1938.
10. *Gurvitch G.* Microsociologie et sociometrie // *Cahiers Internationaux de Sociologie*, 1947. Vol. 3.
11. *Bosserman Ph.* Dialectical Sociology: An Analysis of the Sociology of Georges Gurvitch. Boston : Porter Sargent Publication, 1967.
11. *Gurvitch G.* Le concept de classe sociale de marx a nos jours. Paris : G. D. H., 1954.
13. *Gurvitch G.* Le concept de la structure sociale // *Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1955. Vol. 19.
14. *Gurvitch G.* Traite de Sociologie. Vol. 1. Paris, 1958; Vol. 2. 1960.
15. *Gurvitch G.* Initiation a la Sociologie de la connaissance. Paris, 1948.
16. *Gurvitch G.* La multiplicite des temps sociaux. Paris, 1958.
17. *Тимащев Н. С.* Развитие социологии права и ее сфера // *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
18. *Cuvillier A.* Ou va la sociologie francaise? Paris, 1953.
19. *Богачева Н.* Северное затмение // *Смена*. 1997. N 5.
20. *Стетцель Ж.* Социология во Франции: Мнение эмпирика // *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы. 1961.
21. *Timasheff N. S.* Gurvitch's Philosophy of Social Law // *Thought*. 1942. Vol. 17. N 67.
22. *Gurvitch G.* Rechtssoziologie // *Die Lehre von der Gesellschaft* / Hrsg. von G. Eisermann. Stuttgart, 1958.